

Городок

1

Мальчики поднимались по склону холма. На его вершине рос лес. Летом кроны мачтовых сосен отражались в воде Плещеева озера. Сейчас оно было покрыто льдом и рыхлым, весенним снегом.

В другое время ребята взбежали бы наверх наперегонки. На этот раз они шли медленно, словно боясь обронить странный, непонятного назначения предмет. Железный, кованый, покрытый ржавчиной, он был найден в яме неподалёку от берега в деревне Вельково.

Мальчики с трудом вытащили его из твёрдой земли и долго молча рассматривали.

— Это уключина, — сказал Костя, старший из них.

С ним стали спорить. Как все живущие по берегам Плещеева озера, будь то в самом Переславле-Залесском или в деревнях, расположенных близ него, каждый из них знал все озёрные боты, шлюпки и лодки — весь современный плещеевский флот. Но не выдвигали они таких громадных вёсел, чтоб пришлось к подобной уключине. Костя настаивал на своём:

— А флот Петра Первого не Плещеево озеро! Забыли?

Действительно, как это они сами не догадались! Сразу вспомнился хорошо знакомый ботик Петра I в павильоне на вершине холма над озером. Такая уключина могла понадобиться только на одном из шлюпов Петра.

Ребята поднялись на холм. Они глянули сверху на лёд, видневшийся между стволами сосен. Там, на озере, Пётр строил первые русские корабли. На каком боте или шлюпе скрипела эта уключина?

Юные исследователи направились в глубину рощи и вошли в жёлтый, с белыми колоннами, павильон. Вот он, знаменитый бот «Фортуна» — единственное уцелевшее судно из переславль-залесского флота Петра. Но самый тщательный осмотр бота не подтвердил, что найденная ими уключина — петровских времён.

В павильоне был сторож. Мальчики рассказали ему, зачем пришли.

— Да вы к Константину Ивановичу обратитесь. Уж он-то вам объяснит. Ему всё про наши места известно. Читали, небось, его книги про Переславль-Залесский? Вот к нему и подайтесь, ребята, в краеведческий музей, что в Горицком монастыре. Там при музее он и живёт.

Константина Ивановича Иванова мальчики знали. Да и кому не знаком он в Переславле-Залесском! Он ведал всеми музеями города: и краеведческим, и Петра Первого, и Ивана Грозного, и Александра Невского.

До Горицкого монастыря было рукой подать. Но ни в музее, ни дома они не застали Иванова. Как быть? Константин Иванович отправился в город и, возможно, задержится в музее Александра Невского. Там они его и найдут.

До города надо было идти километра четыре. Меньше чем через час они уже входили в белокаменный одноглавый Спасо-Преображенский собор — создание безвестных чудодеёв двенадцатого века, суздальских зодчих.

Константин Иванович, человек лет за сорок, плотный, с добрым, радушным лицом и светлыми волосами, был занят. Ребята не сразу смогли с ним заговорить. Они внимательно слушали, как Иванов объяснял экскурсантам, что собор этот — сверстник Переславля-Залесского, и построен Юрием Долгоруким в 1152 году.

Директор музея обратил их внимание на дивную архитектуру, искусную кладку стен, тончайший орнамент фресок. Лицо его сияло, когда он говорил о том, что по собору можно

судить, сколь высоки были культура, строительное искусство Владимиро-Суздальской Руси. Потом он показывал древности, найденные им в 1936 году, когда он был начальником раскопок переславль-залесских курганов IX и X веков. Наконец экскурсанты ушли, и мальчики показали ему свою находку. Он подтвердил, что железный предмет, по всей вероятности, принадлежал одному из плещеевских кораблей Петра, хотя и не был уключиной.

— Деталь корабельного инструмента, — сказал Константин Иванович, и спросил: — Не передадите ли находку в музей? — Мальчики были горды тем, что он взял её.

2

Иванов привык, что ни один черепок, найденный в здешней земле, не будет отброшен, прежде чем его покажут в музее. Раскопки, которые недавно велись здесь, волновали всех горожан.

Долго и пристально рассматривал Константин Иванович дар школьников. Потом взглянул на часы. Время было идти на фабрику «Красное эхо». Сегодня его очередная лекция для рабочих в обеденный перерыв. Он любил эти лекции, любил фабрику, одну из старейших в стране, — скоро ей двести лет! Сейчас она вырабатывает нити для рыболовных сетей.

Прадеды, деды, отец Иванова работали на Переславской мануфактуре. На этой фабрике, переименованной после Октябрьской революции в «Красное эхо», начинал и он свою трудовую жизнь и немало проработал прядильщиком. Но рабочий-коммунист увлёкся историей, поехал в Москву учиться.¹ Вернувшись в родной Переславль-Залесский, он стал руководить здесь музеями, организовал раскопки древних курганов в районе.

Но не только археологические древности интересовали Иванова: он занялся историей фабрики. Ездил во Владимир, рылся в архивах. По возвращении домой опрашивал всех старых рабочих, и в итоге нескольких лет труда написал большую книгу: «История фабрики „Красное эхо“ в Переславле-Залесском».²

Работа в архивах дала ему материалы ещё для двух книг: «Первая стачка рабочих Товарищества Переславской мануфактуры» и «1905 год в Переславле».

Вскоре Иванов выпустил новый труд «Прошлое и настоящее Переславля-Залесского». В нём вся история города, всё, чем он славен в своей долгой жизни, — от Юрия Долгорукого до революционных восстаний на фабрике Товарищества Переславской мануфактуры и до одной из строек первой сталинской пятилетки — фабрики киноплёнки...

В маленьком городе что ни встречный — знакомый.

На мосту Константин Иванович увидел учительницу Павлу Бессонову; указывая на берега Трубежа, она рассказывала группе школьников о флоте Петра.

Иванов поздоровался. Так когда-то и ему, ученику начальной школы, она открывала славное прошлое Переславля. Вот уж сорок пять лет Павла Бессонова учительствует в городе. Со своей учительницей Иванов встречается теперь на заседаниях горсовета: оба они депутаты, оба всему городу известные люди. А кто из горожан не был учеником этой учительницы, награждённой орденами Ленина и Трудового Красного Знамени и несколькими медалями!

До обеденного перерыва оставалось двадцать минут. Иванов решил, что успеет зайти в городскую библиотеку и напомнить о материалах для диаграммы, которая должна показать, как в Переславле читают книги. Мысль о диаграмме явилась у него во время заседания горсовета, когда подводились итоги обследования библиотек. В городе было одиннадцать библиотек. Если не считать детей дошкольного возраста, то окажется, что каждый третий житель Переславля-Залесского постоянно абонируется в одной из библиотек.

Иванов попросил книгу доктора Губина о крестьянских жилищах Ярославщины. Этот научный труд потребовался ему в связи с новой экспозицией в краеведческом музее. Автор книги сам был достоин того, чтоб ему посвятили один из стендов музея. Старый доктор Переславля-Залесского, врачевавший целый район, он всю свою жизнь попутно изучал типы крестьянских жилищ прошлых времён. В итоге появились серьёзные исследования доктора Губина: «Курные избы Переславского уезда» и «Крестьянские избы Ярославщины».

¹Эти сведения не подтверждаются другими статьями об Иванове. — *Ред.*

²Книга эта не была напечатана при жизни Иванова, а появилась только через 34 года после его смерти силами местных краеведов: *Иванов, К. И. Фабрика «Красное эхо»: 1849—1949 гг. / К. И. Иванов. — Переславль-Залесский: Переславский совет ВООПИиК, 2004. — Ред.*

Пока заведующая библиотекой доставала книгу, Иванов с интересом перебирал читательские карточки. Многие имена были ему знакомы. Вот кочегар, изучающий философию; вот слесарь, судя по его карточке, занимающийся историей искусств; вот мотористка, зачитывающаяся книгами о Павлове...

До начала лекции оставалось шесть минут. Надо было спешить. Константин Иванович вошёл в ворота фабрики «Красное эхо». Гудок только что прогудел. В цехе, в котором когда-то он сам стоял у станка, рабочие уже собирались на лекцию. Иванов развернул карту и начал...

3

В то время как Иванов читал свою лекцию, в другой стороне города начальник научно-исследовательской лаборатории фабрики киноплёнки Антонина Александровна Кузнецова, проходя фабричным двором мимо слесарной мастерской, услышала голос, певший арию Князя из оперы Даргомыжского «Русалка». Кузнецова замедлила шаг. Голос был ей знаком: пел Чаусов, слесарь. Ей захотелось послушать, но певец замолк, и другой голос — Кузнецова узнала голос Хрипкова — заговорил:

— Да ты полней возьми, Вася, полней!

Чаусов отказывался:

— Некогда.

— Да ведь всё одно — перерыв, пой, Вася!

— Не успею, надо на репетицию спешить.

— «Майскую ночь» готовите?

— «Майскую ночь».

— Левка будешь петь?

— Левка.

Кузнецова не слышала продолжения разговора. Она прошла дальше, и в коридоре заводоуправления столкнулась с Кузьменковым, директором фабрики, почти два десятка лет назад начинавшим здесь трудиться молодым лаборантом.

— Антонина Александровна, кинохроника из Москвы прибыла. Снимать вас хотят.

— Меня-то зачем? — испугалась она.

— Да не только вас, всех знатных людей Переславля. Просили предупредить.

В прошлом году город был радостно взволнован известием, что переславская жительница инженер Кузнецова получила Сталинскую премию за разработку и освоение новых типов фотоплёнки...

В тот самый день, когда Кузнецова стала лауреатом Сталинской премии, в Переславле, впервые в его истории, шла опера. В театре было множество знакомых. Все они подходили к Антонине Александровне и поздравляли её.

На премьеру прибыли гости из Ярославля — дирижёр симфонического оркестра, солисты областной филармонии, музыковеды. Слушали, держа клавиры в руках. Пожалуй, ничто так не смущало певцов, как эти клавиры. Впрочем, и зрители с тревогой посматривали на гостей, сидевших в первом ряду. Вдруг обнаружат ошибку у кого-нибудь из певцов? А ведь актёры были все свои, у каждого болельщики в зале.

Вот Князь — Василий Чаусов, слесарь фабрики киноплёнки. Вот Наташа — Муза Качанова, та, что руководит кружком художественной вышивки в Доме пионеров и в Доме культуры. Княгиню пела Данилова, технический секретарь парторганизации фабрики «Красное эхо», Ольгу — мотористка Холмогорова, Свата — инженер Нефедьев. А что касается Мельника, так едва ли в городе есть человек, который не знал бы Бориса Георгиевича Былинина, бывшего бухгалтера, талантливого музыканта, режиссёра и педагога.

Шесть месяцев изо дня в день готовили премьеру «Русалки». Былинин отбирал певцов из хора Дома культуры, разучивал с ними партии, беседовал об искусстве. Незадолго до премьеры участников первого оперного спектакля послали в творческую командировку — прослушать «Русалку» в Большом театре. По возвращении домой они опять репетировали, шили костюмы, писали декорации. Весь город следил за тем, как готовились к премьере. Она прошла с шумным успехом. Музыковеды, приехавшие из Ярославля, ахнули: «Да у вас тут таланты, товарищи!»

Что оказались прекрасные голоса, в том дива нет. Когда же они переводились в народ? Но кто учил вас, товарищ Былинин, так работать над образом? Или вас, товарищ Муза Качанова? Чутьём богато одарённых людей, дебютанты, никогда в жизни до этого не игравшие в театре,

поняли, почувствовали, что в опере мало петь, хотя бы и хорошо, что оперное искусство требует лепки образа по законам искусства драмы.

Так родилась и утвердилась опера в Переславле-Залесском. В который раз здесь ставят, при полных сборах, «Русалку», уже репетируют «Майскую ночь», собираются ставить «Евгения Онегина». Но оперный коллектив — только часть коллектива переславского Дома культуры. Кроме оперы, здесь ещё Театр драмы и Театр юного зрителя. Три театра в маленьком городе! На оперных афишах — «Русалка», на афишах Театра драмы — «Слава», «Платон Кречет», «За Камой-рекой», «Лес», «Не всё коту масленица». На афишах Театра юного зрителя — «Аленький цветочек», «Двенадцать месяцев»... Так велик интерес к спектаклям, что зал всегда полон, и Дом культуры, с его тремя театральными коллективами, хором в 70 человек рабочих и работниц фабрик Переславля-Залесского, симфоническим оркестром, литературным, естествоведческим и другими кружками, существует без каких-либо дотаций.

В маленьком древнем городе на Плещееве озере искусство стало составной частью повседневного быта советских людей...

4

Попадая из своего загородного жилья при музее в город, Константин Иванович обычно задерживался здесь целый день. И в этот раз после лекции в цехе он зашёл в комиссию по народному образованию при горсовете, в которой председательствовал. Оттуда — в лекционное бюро, где утверждался план лекций на ближайший месяц.

Под вечер, когда над бескрайним льдом озера поднялся волокнистый туман, на улицах зажглись электрические фонари, Иванов входил в кабинет секретаря городского комитета ВКП(б) С. А. Сыроегина. За длинным столом сидело несколько человек: депутаты городского совета и архитекторы. На столе стоял макет нового города. Сыроегин жестом пригласил Иванова к столу:

— Вот, товарищ Иванов, можете в музее показывать завтрашний день Переславля-Залесского!

Иванов подошёл к макету. Набережные Трубежа были одеты в камень. Высокая башня с фигурой краснофлотца, обращённой лицом к озеру — колыбели русского флота, — возвышалась над кровлями города. На большой площади стоял новый Дворец культуры фабрики «Красное эхо». Кварталы трёхэтажных домов заменят кварталы старых, одноэтажных. На фронтоне вокзала было начертано: «Переславль-Залесский». Впервые город соединился с сетью железнодорожных путей страны.

Секретарь горкома, обращаясь к собравшимся, говорил:

— Переславль больше не будет стоять в стороне от железных дорог. В связи с этим необходимо предвидеть всё то новое, что внесёт в жизнь нашего города железнодорожный путь, — и в промышленной, и в культурной, и во всех других областях...

Поздно вечером Константин Иванович возвращался домой — за город, в Горицкий монастырь. Перед глазами его всё ещё стоял макет будущих жилых кварталов. Директор музея мысленно прикидывал: «Какой бы зал отвести под новый отдел — „Завтрашний день Переславля-Залесского“?..»

С озера дул весенний ветер. Над покатыми кровлями тут и там поднимались вписанные в беззвёздное невысокое небо шлемы древних суздальских куполов. Окна Дома культуры были оранжевые от люстр. У театрального подъезда, под фонарями, в кругу голубого света, дожидались розвальни и автомобили. Среди зрителей много гостей из дальних колхозов. Группа горожан стояла у клуба. Они не попали на сегодняшний оперный спектакль. Над кассой висел плакат: «Все билеты проданы».